

2. Мортимер Я. Средневековая Англия: путеводитель путешественника во времени. М.: Эксмо, 2015. 336 с.
3. Luders A., Tomlins T. Statutes of the Realm. 1101–1713. Vol. 1. L.: Dawsons of Pall Mall, 1810. 435 p.
4. Martin D. Prosecution of the Statute of Provisores and Praemunire in the king's bench, 1377–1394. Rochester: Boydell Press, 2006. 204 p.
5. McHardy A. K. Clerical criminals in the fifteenth century: Two cases from the city of York // The Church in medieval York. 1999. P. 105–113.
6. Pantin W. A. The English Church in the Fourteenth Century. Toronto: University of Toronto Press, 1985. 293 p.
7. Swanson R. N. Religion and devotion in Europe, 1215–1515. New York: Cambridge University Press, 2004. 378 p.
8. Weale C. A. Patronage priest and parish in the archdeaconry of Huntingdon 1109–1547. L.: Oak Hill College, 1996. 367 p.
9. Widman A. J. Ahead of Their Times. Salzburg: BoD, 1999. 164 p.

© Лазарев С.С., 2017

УДК 94(44).029

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В. В. Ковин

Студент Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: vladis.kovin2015@yandex.ru

В статье анализируются различные варианты осмысления Варфоломеевской ночи известными французскими интеллектуалами первой половины XIX в. сквозь призму интеллектуальной истории. Такой подход позволил сделать вывод о том, что восприятие и оценки Варфоломеевской ночи французскими интеллектуалами во многом зависели от их политико-идеологической ориентации.

Ключевые слова: Варфоломеевская ночь, интеллектуалы, интеллектуальная история, историческая память.

V. V. Kovin

THE ST. BARTHOLOMEW'S DAY MASSACRE WITH EYES OF FRENCH INTELLIGENTUALS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Ural State Pedagogical University,
pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: vladis.kovin2015@yandex.ru

The article analyzes various variants of the interpretation of the St. Bartholomew's massacre by famous French intellectuals of the first half of the 19th century. Through the prism of intellectual history. This approach led to the conclusion that the perception and evaluation of the St. Bartholomew's massacre by French intellectuals depended largely on their political and ideological orientation.

Key words: the St. Bartholomew's massacre, intellectuals, intellectual history, historical memory.

Отголоски Французской революции продолжают ощущаться во Франции на протяжении всего XIX в., особенно первой половине. Послереволюционное общество строится на новых религиозных принципах, что приводит к глубоким изменениям в религиозной жизни французов, в их отношении к институту церкви. Общество переживает беспрецедентную десакрализацию сознания. Столкнувшись с проблемой такого масштаба, две антагонистические силы вступили в противостояние. С одной стороны – католическая церковь и монархисты, желающая заполучить власть в свои руки и восстановить былое влияние и могущество. С другой – республиканцы, которые пытаются бороться против клерикализации, выступая за сво-

боду слова, совести и вероисповедания. Тема религии оказалась крайне обострена и политизирована, вышла далеко за рамки богословских споров, заняв одно из центральных мест в области общественно-политических дискуссий XIX в.

В попытке найти ответы на острые вопросы современности, интеллектуальные круги Франции обращаются к прошлому – к наследию Реформации и религиозных войн. Переосмысление истории разделило интеллектуалов на два лагеря, по мнению французского историка литературы П. Глода, первые считали, что Реформация не сумела создать настоящую религию: она стала явлением отрицательным, которое лишило Запад духовного единства, утопила его в крови гражданских войн [6; р. 81]. Распространяя рационалистический субъективизм, Реформация в конечном итоге привела цивилизацию к современному хаосу Апокалипсиса. Другие же, напротив, считали, что Реформация – это свершившаяся религиозная революция, ставшая причиной уничтожения коррумпированных институтов и создания новых, внутри которых крепло духовное единство. В этой связи взгляд на Варфоломеевскую ночь, которая была следствием Реформации, стал зависеть от политических взглядов и идеологических установок.

Ярким выразителем мнения консерваторов в этом вопросе был один из его влиятельнейших идеологов Жозеф де Местр, который считал, что протестантизм – это есть «воплощение зла». Он писал: «Протестантизм – анти-суверенный по своей природе. Он мятежен по существу, он – смертный враг любой нации; он – разрушитель всего сущего» [8; р. 64]. Во многом, нападки Местра на протестантизм были основаны на том, что, по его мнению, он явился причиной, породивший массу злодеяний, а самое главное ненавистный республиканский режим. «Реформация и Революция – два момента единой революции, одновременно политической и религиозной. Тридцатилетняя война; Религиозные войны во Франции; Варфоломеевская ночь; убийство Генриха III, Генри IV, Марии Стюарт, Карла I; и в наши дни наконец Французская революция, которая исходит из того же источника [протестантизма]», – резюмирует Ж. де Местр [8; р. 66]. Подробно анализируя события Варфоломеевской ночи, он приходит к мнению о том, что «именно протестанты настоящие виновники Варфоломеевской ночи», а сама по себе резня была «необходимым злом», совершенное «загнанной в угол королевской властью» [8; р. 85].

Однако в среде консерваторов были и иные оценки Варфоломеевской ночи. Известный писатель, ультрароялист и пылкий католик Р. Шатобриан негативно относился к роли протестантизма, считая его корнем всех зол во французской истории: «протестантизм в религии – это нелогичная ересь; в политике – неудачная революции» [2; р. 105]. Тем не менее, он не возлагал вину за это «гнусное массовое убийство» [3; р. 581] на Реформацию. Шатобриан винит только ненавистных ему Валуа: «Господство Валуа, от Франциска I до Генриха III, Варфоломеевская ночь, Лига, гражданские войны – это время аристократического и религиозного ужаса, в котором родилась абсолютная монархия Бурбонов, точно также как и военный деспотизм Бонапарта вышел из глубин политического ужаса» [2; р. 119]. По его мнению, Валуа предали католические идеалы свободы и не были в силах поддерживать религиозное единство, что и привело Французское королевство к кровавому расколу.

Представители второго направления, которое преимущественно состояло из сторонников идеалов Французской революции, считали, что протестантизм играл важную роль в рождении современного мира, освободив мысли от архаичных церковных догматов. Грехи прошлого становились хорошим аргументом в политических дискуссиях, отстаивая легитимность завоеваний революции, республиканцы часто апеллировали к истории, находя в ней примеры преступлений Старого режима, среди которых была и Варфоломеевская ночь.

С приходом к власти Наполеона, политический ландшафт Франции кардинально меняется. По мнению критика Филиппа Ранье, власти начинают опасаться и следить за этими проявлениями гражданской активности [4; р. 14]. Несмотря на это роль интеллектуала во французской общественно-политической жизни заметно возрастает.

Ревнители республики в лице Ж. де Сталь подвергают жесткой критике политику Бонапарта. «Мадам де Сталь обвиняет его в излишней амбициозности и жадности. Она воспри-

нимает его как врага интеллектуальной элиты Франции, не может терпеть его цинизм и эгоизм, презрение к людям, его безразличие к судьбе народа. Она считает его врагом революции» [1; p. 50], – пишет профессор французской литературы Мишель Делон. Мадам де Сталь осуждает царящий деспотизм Наполеона, который выражается в подавлении оппозиции и в ужесточении цензуры прессы. Рассуждая о главных событиях своего времени, мадам де Сталь проводит аналогию между событиями XVI и XIX вв. По словам М. Делона, она ссылается на Варфоломеевскую ночь для того, чтобы разоблачить, злоупотребления и преступления Старого режима и Наполеона, потому что де Сталь считает, что ни народ, а короли ответственны за насилие, царившее на протяжении трех столетий. Они сыграли центральную роль в конфликте католиков и протестантов [1; p. 53]. «Французы мало расположены к гражданской войне и не имеют талантов по части заговоров. В гражданские войны их всегда привлекает аристократическое меньшинство. Хитрая итальянская королева Екатерина Медичи вложила в руки Карла IX инструменты для осуществления Варфоломеевской ночи» [7; p. 250]. Священнослужители, стремясь сохранить свои привилегии, еще больше разжигали конфликт и тем самым поддерживали деспотизм королевской власти. По аналогии с событиями XVI в. де Сталь анализирует и революционные события. Несмотря на приверженность к республиканским идеалам, она критикует бесчинства и массовые убийства, совершенные от имени Революции. Она осуждает ужас революционного террора и считает Робеспьера преступником, который переступил все духовные принципы. «Робеспьер был болен чем-то вроде лихорадки, которая его безостановочно толкала к новым преступлениям» [7; p. 67].

Мадам де Сталь осуждает фанатизм якобинцев: «использование террора для достижения своих политических целей, не менее страшно, чем террора во имя религии» [7; с. 68]. Она атакует лидеров партии за массовые убийства и казни, она пытается объяснить, почему люди проявили неслыханную жестокость в 1793 г. И ее причины, кроются в недостатках старого режима, который привил людям рабскую психологию и развратил общественную мораль. Подводя итог своим рассуждениям, Ж. де Сталь считает, что историческая преемственность необходима, чтобы противостоять религиозным войнам, Варфоломеевской ночи, кровавым революциям и тирании.

Философ, апологет протестантизма Шарль де Вийе считал, что проблема Варфоломеевской ночи в XIX в. вышла за рамки теологических споров протестантов и католиков. «Варфоломеевская ночь – это одновременно религиозная борьба и политическое событие». Это событие, которое случилось в результате «политических страстей, вызванных религиозными конфликтами» [5; p. 23], поэтому в XIX в., она является «частью идеологического арсенала либералов и протестантских кругов» [5; p. 22]. Отсюда и такая мода на Варфоломеевскую ночь среди представителей искусства, философии и литературы.

Непосредственно в протестантской среде все большее распространение получила версия о том, что Варфоломеевская ночь – это религиозное преступление, которое было инициировано фанатиками католической церкви. Известный протестантский богослов и ярый критик католицизма Ф. Пюо в отношении Варфоломеевской ночи выдвинул версию о том, что виновных в резне нужно искать в рядах католического духовенства и, несмотря на свое чувство ненависти и отвращения к Екатерине Медичи, Пюо считает ее роль в массовых избиениях минимальной, а версию о сговоре в Байонне – недостоверной. По его мнению, Варфоломеевская ночь – это, прежде всего, религиозное преступление. Стремясь сосредоточить всю вину на католиках, Пюо говорил: «Ночь святого Варфоломея не произошла бы, если духовенство и его лидеры имели бы хоть каплю божьего милосердия» [9; p. 351]. В своей безжалостной обвинительной речи Ф. Пюо недвусмысленно намекает на причастность папы римского Григория XIII: «Именно он подготовил; именно он был рад; это тот, кто хвалил за победу Карла IX и кардинала Лотарингии; это тот, кто устраивал праздничные процессии в честь счастливого исхода великого дня» [9; p. 359].

В целом, из-за политической нестабильности и раскола общества в идейно-политическом отношении во Франции первой четверти XIX в. все большую популярность в полемике интеллектуалов приобретают сюжеты, связанные с Варфоломеевской ночью. Для сторонников

республики Варфоломеевская ночь – это средство упрека, а для консерваторов, монархистов и католиков – целесообразная политическая мера. Историческое событие стало использоваться конфликтующими сторонами как средство легитимации своего мнения.

Источники и литература

1. Delon M. La Saint-Barthélemy et la Terreur chez Mme de Staël et les historiens de la Révolution au XIXe siècle // *Romantisme*, 1981, № 31.
2. Chateaubriand F.-R. *Études Historiques // Oeuvres complètes*, Imprimerie et Fonderie de Rignaux, 1836. vol. IV.
3. Chateaubriand F.-R. *Mémoires d'outre-tombe*, 1849.
4. Vaillant A., Bertrand J.-P. Régnier P. *Histoire de la littérature française du XIXe siècle*. – Paris, Nathan, 1998.
5. Villers C. *Essai sur l'esprit et l'influence de la réformation de Luther*. –Paris, 1820.
6. Glaudes P. *Chateaubriand et le Protestantisme» // Bulletin - Société Chateaubriand*, année 2008, № 51. 2009.
7. Madame de Staël. *Considérations sur les principaux événements de la Révolution française*. Paris, 1988.
8. Maistre J. *Réflexion Sur Le Protestantisme // Oeuvres Complètes*. Genève, 1979.
9. Puaux F. *Histoire de la Réformation française*. Paris, 1860. vol. II.

© Ковин В.В., 2017

УДК 303.446.4(430)

ТЕОДОР КЁРНЕР: «ГЕРОЙ ВОЙНЫ» В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. И. Голотина

Студент

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: alena.golotina@mail.ru

На примере образа немецкого поэта-патриота Теодора Кёрнера в статье анализируется актуальное направление современных немецких исследований: изучение модели «героического» поведения, явления героизма и героизации эпохи наполеоновских войн. Выделяется господствующая в современной немецкой историографии точка зрения о функциях, роли и характерных чертах «героической» модели поведения начала XIX в.

Ключевые слова: герои войны, Наполеоновские войны, немецкая историография.

A. I. Golotina

THEODOR KÖRNER: "THE WAR HERO" IN MODERN GERMAN HISTORIOGRAPHY

Ural State Pedagogical University,
pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: alena.golotina@mail.ru

The article analyzes the topical direction of the modern German researches using an image of German poet-patriotic Theodor Kerner as an example. There are studying the model of «heroic» behavior, the phenomenon of heroism and the Napoleonic Wars heroization. The attention is paid for the prevailing point of the modern German historiography, which is about the functions, roles and characteristics of the "heroic" behavior at the beginning of the XIXth century.

Key words: the war heroes, the Napoleonic Wars, German historiography.

Теодор Кёрнер – поэт, личность которого известна не каждому россиянину. Все, что написано о нем сегодня на русском языке, можно уместить в пару заметок на различных сайтах и несколько статей в литературных энциклопедиях. В интернете можно найти разрозненные части того литературного наследия, которое оставил этот немецкий поэт начала XIX в. Однако в немецкоязычном пространстве он куда более известен. Почему немецкие